

— Толя, Толечка, Толяша! Просыпайся, уже четыре утра, и петухи пропели, — Валя нежно покачивала братишку за худенькое плечико, острой костью торчащее из под байкового бордового одеяла.

Но Толя не реагировал, а только несколько раз чмокнул губами, не отпуская на волю свой сладкий сон. По уговору до четырёх утра сон был его, и никто посягнуть не смел.

Уговор выполнять надо, и Валя продолжала будить своего мужичка-работягу. Она нежно прикоснулась к его острому подбородку, слегка покачала рукой стриженую голову, чуть развернула лицо к себе и с любовью поцеловала в родную щёку. Раз, другой. Горячие губы Вали шептали мамину молитву, якобы дающую отрокам силу на подъёме, и такое же горячее дыхание и звучный поцелуй всё-таки разбудили Толяшу. Он открыл заспанные глаза и в утреннем полумраке комнаты, увидел большие небесные глаза своей сестры. Они были влажны и проливали на брата такую нежность, от которой становилось не по себе, и мальчик, окончательно проснувшись, резко отбросил одеяло и в ту же секунду сел на топчане, свесив ноги. Он давно знал этот приём и всегда применял его, когда надо через не хочу просыпаться и вставать. Так легче бороться с тяжёлыми веками с пудовым сном на каждой реснице. Если начнёшь канючить: мол, дай я ещё чуть-чуть посплю, — эти пуды одолеют тебя, и уговор пропадёт.

— Всё, я проснулся, — с трудом разлепляя ссохшиеся за ночь губы, сказал Толя. — Можешь топтать по своим делам.

Валя не уходила, присела на топчан в белой в полоску сорочке; видно, что сама только оторвалась от постели, горячая, заспанная, на отца похожая. Толик плохо помнит папу, пятый год уж как воюет; по маминым рассказам да по фотографиям с фронта, где он стоит с медалями на груди, можно сличить и поверить. Да и ладно, он тоже от него ягода, ростом весь в него удался. Валя обняла братишку, как, бывало, делала мама. Только Толику более приятна мамина обнимка, мамин тихий нежный голос. Она просит вставать и идти поливать огород, пока в колонках есть вода, а к восьми и даже к семи утра она будет течь волосяной струйкой: на дворе жара, а грядок у людей в огородах вон сколько, и на всех воды не хватает.

Мамину нежность Толик понимал правильно. От кого ж ещё её получишь? Не от соседской же тёти. Из радио она не выскочит, хотя в начале мая война окончилась, и радио теперь не передаёт страшные вести с фронта, а всё больше песни да рассказы о доблестных фронтовиках. Толе, конечно, приятно слушать такие известия, но на дворе уже макушка лета, а папка всё не едет и не едет с фронта. Ему, как старшему мужику, приходится отдуваться за всю семью. Валя тоже не посидит, вместе всё делают. На них весны легли всей тяжестью вскопка огорода в пятнадцать соток, посадка картошки, прополка и окучивание. А грядок с овощами сколько! Их тоже пололи, да не раз. Особенно муторно корпеть над всходами моркови и свёклы. Травы — ковёр, выщипываешь пальчиками. Ножом не лучше, того и гляди корешок подрежешь. Искупаться на Качу сбегать некогда, не говоря уж о том, чтобы надёргать пескарей на сковородку. А как хороши они, жаренные в постном масле!

Теперь Валя вместо мамы. Её увезли в больницу с колхозного сенокоса, сказали, что укусил заразный клещ, когда она и другие женщины ходили к речке напиться и

пообедать тем, что удалось взять из дому. Мама не колхозница, а рамщик на пилораме, у неё четверо по лавкам, и чтобы кормить семью, Беянины держат корову, как и многие в леспромхозе. Вот вместе с Толиком зарабатывали для коровы сено на колхозном покосе. Толя сначала косил траву на конной косилке, а потом пересел на волокушу — подвозить копна к скирде. Кобыла попала худая, старая. Спина, что твои Гималаи, острая. Он хоть и подкладывал под зад телогрейку, но всё равно набил такие синяки, что ходил на раскоряку, пока не зажило. На Каче Толя не раз бывал, пещарей таскал, щавель собирал, клещей с полдюжины уж выдрал из себя, да и другие пацаны не меньше. Им хоть бы хны! А вот мама слегла надолго. Температурит. Валя теперь разрывается и по дому за маму, и — в больницу. Он любит сестру, но не так, чтобы принимать с удовольствием её обнимки, когда душа ещё возмущена ранней побудкой, а она со своей нежностью.

— Ты меня жалеешь, а сама всё равно будишь и посылаешь за ягодами. Ты хитрая лиса, — по-своему понял нежность сестры Толя.

— Толечка, милый, что ты говоришь? Мне очень жаль, что ты такой маленький, а вынужден ходить в эту даль, ехать на попутках, а потом тащить на своём горбу тяжеленное ведро с ягодой. Я прошу тебя не брать пудовое, тебе не под силу, но ты упрямишься.

— Заупрямишься, если в маленьком набирается только полста стаканов, а в большом — семьдесят пять. Есть разница?

— Есть, конечно, Толяша, есть. Но рано тебе такие тяжести носить. Надорвёшь живот — кто лечить станет? Потом век маяться будешь.

— Это мы ещё посмотрим, кто надорвётся. Я не Данька, он вовсе клоп, а туда же, за большое ведро хватается. Бабушка ему вчера сказала: или ты берёшь десятилитровое, или ни за какой ягодой не пойдёшь.

— Вот и я тебе то же самое говорю. Будь из лесу до Сикисовки близко, я бы не настаивала. Но знаю же эту

тяжёлую дорогу, сама прошла. Я бы и сейчас с тобой наладилась, если бы не в больницу к маме.

— За Анечкой да за плаксой Оленькой кто доглядит? Сама знаешь, назад успеваем вернуться только к полуночи.

— Верно, мой богатырь, всё верно. Вот и не дам сегодня это пудовое. Иди умывайся да молочка с хлебушком на дорожку поешь. Я тебе сметанки припасла, она, как масло сливочное, густая, съешь — сил сразу прибавится.

Толя спрыгнул с топчана, зашлёпал босыми ногами по дощатому полу без половиков. Ему надо поспешать, он не любит, когда за ним заходит Даниэль или Валька, что несколькими дворами живёт ниже. Дан, так сокращённо он звал друга, рядом, через стенку, квартирует. Но всё равно он главный в этой маленькой компании добытчиков кислицы, клубники, а в августе — чёрной смородины. Надоумила на эту добычу бабушка Даниэля. Говорит, вы только соберите да домой привезите, а я на базаре расторгую ягоду и денежки каждому в руки. Посёлок вон какой большой, народ голодный, он рад и лесной ягоде.

Не будь беды с мамой, Толя часто не ездил бы на попутках за тридевять земель за ягодой. Набрал бы одно ведёрко поест, и всё. Куда её? Варить варенье — сахару нет. Его много надо, чтобы из кислицы сварить. Подождут малину. Вот с неё-то и наварит Валя. Мама многому научила дочь до этого проклятого клеща. Лекарство от укуса можно только в городе достать, дорожущее. От людей слышали, что панты хорошо помогают, никаких лекарств не надо. Вот и пластается Толя по ягоду, копят с Валею денежки на мамино лечение, на маральи панты. Ведро в мешок, к нему лямки — и, как рюкзак, за спину. Туда-то ничего, пустое оно. Кормёжки три огурца, головка лука, краюха хлеба да литровая бутылка молока. Есть дома яйца. Но Толя варёные яйца не любит. Жаренное на сковороде — за милую душу. С горы до деревни Сикисовки топать с полным ведром надо на сытый желудок. Иначе не дойдёшь. Ой-ой, все косточки на спине отдавит, обстучит до крови... Потом попутку ловить у деревни. Машины идут гружённые брёвнами. Кто и берёт, а кто и боится.

«Куда я вас? Посваливаетесь кренделями с лесу под колёса. Отвечай за вас». — «Мы, дяденька, привычные, не первый раз, верёвкой привязываемся к канату, не свалимся». — «Ну, смотрите, да чтоб не заснули в дороге!»

Мальчишки радёшеньки: на верхотуру взберутся, усядутся на смолистые брёвна, привяжутся — и пошёл... дремать двадцать километров. Машина тяжело идёт, тихо, покачивается на ухабах просёлочных, как гусь лапчатый, — как тут не задремлешь, встав на ноги утром в четыре часа? Глаза словно клейстером кто замазывает. Тряхнёт где изрядно, спадает клейстер. Глянешь, ночь звёздами светится, и опять — клейстер. Дан придумал семечки лузгать, тогда не так спится. Но всё равно, пока руку в карман за семечками тянешь, несколько снов увидишь. Шофёр нет-нет да высунется из кабины, крикнет: «Ну как вы там, все живы?» — «Все, мы семечки грызём!» — «Молодцы! Вот и я ими же спасаюсь от дремоты».

Пока такой мировой добряк не попадётся, стоят на дороге, голосуют. Бывало, и дотемна. А под ложечкой сосёт, тут бы и яйцо варёное пошло, да нет его. Днём всё съели.

— Вот беда мне с тобой, Толяша. Почему яйца-то откачиваешь? — выговаривает Валя брату, собирая его в дорогу. — Возьми, Дана угостишь, у них кур нет.

Валя права: у него с Даном дружба не разлей вода. Из-за щенка случилась.

Овражковы — люди приезжие. Отец у них офицер, на фронте пропал без вести. В семье Даниэль и сестрёнка, бабушка престарелая да мать-музыкантша. В клубе работает, платят там — кот наплакал, а на руках три иждивенца. Потому Данька тоже вынужден зарабатывать на ягодах. Овражковы прошлой осенью поселились во второй половине каменного дома, в первой жила семья Толи. Они тут давно, довоенные, отец сам сарай строил, сеновал, погреб глубокий выкопал. Даже русская печь в доме есть. Хлеб печь. И пекли, когда была мука.

Щенок увязался за Даном от магазина. Такой забавный и милый, что мальчик сначала угостил его корочкой хлеба, а потом и добрым куском. Вот и плёлся за ним. У щенка ушки торчали, как у овчарки. И масть под овчарку, рыжая. Кто ж от такого откажется?

Нахлебник обнаружился сразу же, как только Даниэль отдал бабушке сумку с хлебом. Раньше мальчик не позволял себе на улице есть хлеб, отщипывая крохи от буханки. А тут целого куска нет.

Бабушка не упрекнула внука за хлеб. Только обняла его за голову, прижала к подолу, поглаживает, а у самой слёзы на глазах, и говорит:

— Потерпи, внучек, потерпи с годик. Не можем мы сейчас лишний рот держать. Отведи собачку туда, откуда привёл.

— Бабушка, это маленький щенок, ему много не надо.

— Разве ты не знаешь, что все маленькие дети вырастают во взрослых? Щенки тоже. Послушай меня, Даниэль, отведи щенка. Я не могу отрывать от чьей-то порции граммы на прокорм псу. Ему у нас и жить негде: ни конуры, ни сарая. Может, Толя возьмёт? У них доброго пса туберкулёзники украли, съели.

Дан был послушным мальчиком, оделся и пошёл к соседу. Он его в ту осень плохо знал, хотя учились в одной школе и жили рядом. Недавно ведь приехали. Любит ли он собак, согласится ли укрыть щенка? Только у Даниэля условие: пёсик будет общий.

Толя управлялся в сарае. Стояла корова, ходило несколько кур. В сарае было тепло, места много. Тут не только один щенок поместится, а псарня. Дан знал, что коровы не боятся собак, тем более щенка. Куры тоже.

Толик как услышал о щенке, а потом и увидел, так обрадовался, что стал жать Дану руку за такой подарок.

— Ты меня не так понял, Толик, я хочу, чтобы щенок был общий. Я нашёл — ты укрыл. Воспитывать будем вместе. Видишь, ушки торчат — овчарка!

Щенок уселся на задние лапки и уставился на мальчиков, вывалив от любопытства язык.

— Ой, Бобка, какой ты забавный! — Толя опустил на кукурки и потрогал щенка за голову, тот весело гавкнул, вскочил на резвые ножки, завилял хвостиком.

Дан нахмурился:

— Что за кличку ты ему придумал? Это же не дворняга. Его назовём — Рекс.

— Грубо как-то. Рекс-Фекс, Ганс-Манс. Он же не у фашистов, а у нас. Надо и звать как-то понежнее. Меня мама только Толиком зовёт. Знаешь, как приятно, когда к тебе вот так с нежностью, хоть и не всегда на душе сладко у мамы. Валя тоже не грубит. Правда, она хитрая: знает, что я люблю нежное обращение и никогда не противлюсь просьбе. А попробуй меня как-нибудь обозвать — упрусь и до крови стоять на своём буду.

— Так по рукам, Толик? — спросил Дан, протягивая руку.

— По рукам. Кличку можно другую дать, у нас уже был пёс Бобка. Подумай, я тоже.

Кличку долго не могли подобрать. Сошлись на Тузике. Тоже звучит ласково.

Каждый раз, прежде чем отправиться в дорогу, Толик и Дан шли прощаться с Тузиком. Сегодня, как только звякнула щеколда на двери и Толик вышел во двор, одетый в походные штаны, ботинки, в тёмную, в заплатках, рубашку, Тузик тут же выскочил из сарая к нему навстречу. Тявкнул, приветствуя друга. Толик присел, а тот — языком в лицо. Толик не отворачивается, только мурлычет, как кот. Тут и Дан к друзьям присоединился. Пёсик и его расцеловал. Тузик подрос и выглядел почти взрослым, а умный — слов нет! Всё понимает. Ему тоже бежать хочется с ребятами по ягоды, но нельзя. Как его на попутке повезёшь? Ушки у Тузика торчком, хвост калачиком. Дану хвост не нравится, говорит, у настоящих овчарок хвост прямой и свисает.

— Не овчарка это, Толик, — сказал Дан. — Валя книжку про собак принесла. Вернёмся, покажу.

— Ясно, не овчарка, — раздался вдруг от ворот незнакомый мужской голос.

Мальчишки обернулись и увидели, как во двор входил незнакомый бородатый человек в чёрном рабочем пиджаке, с вещевым мешком за плечами.

— Вижу, чистокровная лайка. Охотничья собака. Ваша?

— Наша.

— Вот славно, а я без собаки остаюсь. Охотнику без доброй псины в тайгу ни ногой.

Бородач уверенно шагал к ребятам, и Тузик на него даже не гавкнул, наоборот, подскочил и на ноги ему, обутое в самошитые кожаные сапоги, передними лапами — раз! — встал. Ребятам не понравилось такое подлизывание. Они хмуро смотрели на действие лайки. Бородач всё понял.

— Свой свояка видит издалека. Я тайгой пахну, зверем. Вот он ко мне и ластится, — бородач дружелюбно улыбался, извилистые морщинки под глазами видны отчётливо, и глаза без лукавства, добром светятся. — Но вы не печальтесь, ребята. Я за него вам маральи панты отдам. Знаю, очень нуждается один из вас в пантах. Кто, сейчас погадаю. Скорее всего, этот белобрысый да востроглазый, с моей сестрой схож!

— Дядя Стёпа! — бросился к бородачу Толя. — Вы дядя Стёпа?!

— Он самый. Вот, прослышал о вашей беде, панты добыл, приготовил для питья. Полста вёрст отмахал.

Дядя Стёпа нежно привлёк племянника к себе. Тот припал ему на грудь, дядя огладил стриженую голову шершавой рукой, почти так же, как это делала мама. Толику так стало приятно и томно, что он готов был пустить слезу радости.

— Я о лайке к слову сказал, хотя не откажусь от такого пса. Идём же в дом. Валя-то где?

— Тут я, — вышла на крыльцо Валя с подойником.

— Ну вот, слава Богу, застал дома. Вижу, не управлялась с коровой. Иди, да к маме поедем. Я, дочка, панты ей привёз. Первое лекарство от укуса клеща. Как она?

— Температура высокая.

— Признаёт, кто перед ней?

— Признаёт.

— Вот это радостно! Через две недели плясать у меня будет. Ну, иди же ко мне, племянница, иди, деточка, обниму тебя по-стариковски. Видел-то тебя до войны, недосуг всё повидаться. Вот такой крошкой, меньше Толика, карапузила, а теперь уж в невесты выходишь, — и он принялся с такой же нежностью обнимать и оглаживать девушку, как только что её брата.

— Дядя Стёпа, — не выдержал Толик, — если вам правда нужна лайка, так она не моя, она у нас на двоих. Дан её нашёл, он — первый хозяин.

— Вот как?!

— Толик, о чём ты говоришь? Мне жаль расставаться с Тузиком. Но твоя мама больная, разве я упрусь?

— Я про обмен пошутил, ребята. Панты сестре без всякой платы добыл. Просто славный пёс. Чистокровка, смотри. Вы-то сами куда собрались?

— Они по ягоду, Толик на мамино лекарство зарабатывает. Бабушка Даниэля, соседка, торгует.

— Вон как! Какой молодец, Толик! Но нынче отбой. К маме гуртом поедем. Я сам осмотрю хворую и первую дозу назначу. Дело знакомое и верное.

— Как славно-то! — воскликнула Валя.

Тузик всё это время сидел возле бородача. И чудно! На восклицание Вали радостно гавкнул, словно подтверждая слова своего будущего хозяина. А ребята, слегка набывчившись, стояли и сопели, хотя у Толика радостно трепыхнулось сердце от встречи с мамой.